

30.05.96.

Немирович-Данченко В.И.

ПИСЬМА ИЗ МУЗЕЯ

кто я...".

Про то, что ночью кто-то трогал ручку их двери, трогал, как бы требуя, чтобы открыли, но голоса не подавал. И Калпист сказал: не будем открывать. Екатерина Николаевна, конечно, помнит, как мужа чуть не убили в такой же поездке — времени опасные. Но сейчас в письме про ручку двери — мельком, как про то, что ел в дороге котлеты с хлебом и яблоками, как у парикмахера (дорожная пыль — известное дело! не продохнешь!) и что там чуть не разразилась мигрень, но достали фенацетину... "В Курске девочки предлагали цветочки. Знаешь? Ну, возьмите даром, барчук. Возьмите даром".

Потом сон и проснулся часов в 5, когда опять открыл окно. Москва. Чужесное утро. Москва — ласковая, улыбающаяся, теплая. На вокзале (на деревянном столике) выпил кофе и послал тебе телеграмму срочную.

День, как и сегодня, июльский, жаркий, но с легким ветерком, и в доме прохладно. Дальше про то, как будет идти ремонт", и перестановка ("хозяйин ничего не имеет против ломки"). "Все выйдет удобно. Подробности еще сообщу."

Являлись ко мне Балиев с Лейном (супер). И в Театр я не успел. А к 5 часам был у Тарасова, где и просидел до 10-го часа и обедать. Тарасов и Балиев — те самые, знаменитые, первые пашкиш-меценаты, выручившие Художественный театр за границу, те самые, которые — "Летучая мышь", Тарасов к тому же — тот самый, который самоубийца, участник странного сговора, когда в один день наложили на себя руки трое — блистательные, богатые, молодые. Или, кажется, четверо?

"Всем привет". Как обещал, Владимир Иванович продолжает рассказ в следующем письме. "Четверг, 9 часов. Сейчас уже начали ломку стены. Вчера весь день выносили из тех двух комнат вещи, расставляли их в гостиной и бывш. столовой. И т.д. Пыль сейчас уже в коридоре — не приведи Бог. Архип Антонович очень заботлив, все время здесь, хлопочет. "Местечко" он сделал хорошо. Кухня новехонькая. Новая плита, чисто."

Я стало быть, две ночи сплю в кабинете. Хорошо. Только диван будет исправлять. Он испортился, и спать нелегко. Встаю рано. Вот 9 часов, а я уже и умыт, и гимнастику проделал, и кофе выпил. Но и ложусь же!.. вчера в 10 1/4."

Вчера обедал с Вишневым в саду при ресторане "Эрмитаж", т.е. я обедал, а он смотрел (он был позавтракавший). В 3 часа я обедал и до 7 оставался в садике с ним. Попробовал сейчас сунуться в коридор. — пыль такая, что не видно ничего. Пыль лезет и в бывшую столовую. Только и не проникает в гостиную, кабинет и мою спальню. Но это будет продолжаться всего дня полтора-два. Потом будут работать штукатуры. Это будет без пыли.

Отбавил вчера книги для переплета. Звал переплетчика. Оказывается, это искусство не только не подешевело, а очень дорожало. Не знаю даже, как быть. Переплеты, за которые я платил 50 коп., теперь 80. А у меня в переплет должны пойти до 200 книг. — вот так расход неожиданный. Пищу другого переплетчика.

Погода и сегодня великолепная, летняя. В комнатах прохладно. В Театре уже был. Там тоже стук, пыль, прибывают, чинят. Однако завтра даю маленький дебот какому-то довольно интересному юноше для Хлестакова. Из артистов никого еще не видел. Получил письмо от Савицкой, которая больна за границей, просит отпуска на весь август.

От перестановки стола кабинет у меня стал гораздо больше и удобнее. А на ночь, когда ты спишь, дверь в гостиную легко открывать. И вообще ее легче открывать. Убирать теперь кабинет невозможно, пока принесут шкаф, который, конечно, еще не готов. В будущей столовой штукатурка должна сохнуть больше недели, потом только можно оклеивать обои, устраивать электричество... Так что и к приезду мамы квартира не будет готова. Едва-едва будет готова к приезду Миши...

"Пятница 1-го авг. Встаю я в кабинете рано и приятно. И ложусь приятно. Т.е. приятно потому, что это большая, мягкая комната. Ничего еще не убрано и не прибрано, пока нет библиотечного шкафа, — только расставлено. И потом очень приятно, раздвинув шторы, сразу увидишь солнце. Дни отличные, и вчера я с 4 1/2 часов сидел в парке и гулял кругом. Ел на этой площадке омлет, ветчину, мороженое и чай, а вечер часа два в кабинете оставался, извините, голый."

Стена уже сломана. Но это только маленькая часть всего дела. Главное — штукатурная работа. Потом будет оклейка, электрические провода. Комната образо-

валась хорошая, не Бог весть какая "агромная", как говорит Петр, но хорошая. Есть разные мелкие недостатки, но они будут незаметны. Так паркет в твоей спальне будет дубовый, а у Миши — сосновый, и разной формы. Покрыем пол линолеумом. Пол в комнате Миши на 1/2 вершка выше пола в твоей комнате. Твое сведен на нет.

Работы в квартире много-много. Исполнять мне придется ее исподволь. Завтра начнутся занятия в Театре. Но час-два буду находить для квартиры специально. В Театре только администрация собирает понемногу, артистов еще не выдать. Сегодня Тарасов везет меня на автомобиле на Воробьевы горы.

А на окне кабинета около письменного стола, чтобы меня не было видно с улицы, надо будет поставить ширмочку из цветных стекол. — знаешь, бывают такие?

Я хочу ввести в Театр одну важную реформу: начало репетиций в 11 часов, конец в 3 часа. Это самые лучшие и самые свежие часы дня для работы. Мы назначаем репетиции в час, начинаем их в четверть второго и пользуемся, в сущности,

чувствуйте! Репетициями! В мае-то! Ну, вот что.

Ваше письмо передо мною. В нем есть неточности. Условия с Вами мы не заключали и 4800 р. я Вам не обещал наверняка. Так что Вы ошибаетесь, говоря: "Я не хочу связывать Вас данным Вами словом...". Я помню нашу беседу до полноточки, и такого "слова" с моей стороны не было. Были лишь большие вероятности.

Теперь я побеседовал с товарищами очень внимательно и серьезно о Вас. Результат беседы для Вас, по-моему, должен быть приятен, хотя в цифре мы и не сразу сойдемся.

О Вас как о работнике в Художественном театре мои "советчики" такого же высокого мнения, как и я. Но и в том, что Вы все как-то не хотите совсем прилепиться к Театру, тоже такого мнения, как я. В этом смысле есть легкая тень недоверия, плохо устранимая.

Я повторяю, что и говорил Вам: очень дорожу Вами, готов дать Вам и хорошую работу, и гонорар, и беречь Ваши силы. Но Вам надо довериться Театру, надо наконец сделать то, что следовало сделать 5

Надежда

Инна СОЛОВЬЕВА

уже утомленными нервами актеров. Громадное большинство их, за исключением 3-4 человек, встает рано. А так как репетиция еще не скоро, то они тратят часы или на свои личные дела, или на сон, или в другом случае — на репетиции они уже являлись прожившими часть дня. А когда вставать, будут прямо с мыслями о репетиции, то все силы отдадут ей. И потом, после 3 часов, каждый может прогуляться, пойти к знакомым, в магазин, отдохнуть, и словом — отойти от репетиции к спектаклю. А может быть, это даже сократит ночные кутежи. Все-таки мысль о том, что завтра в 11 часов надо быть на репетиции, потрошит ложиться спать.

Я буду делать свой "прием" от 3 до 4, и то не каждый день. И, стало быть, и я чаще буду с 3 часов свободен. И пропадет эта полса, что я никогда нигде не успеваю, даже не бываю на выставках.

Препятствие к этой реформе будет, конечно, со стороны Конст. Серг., который встает в 10, в одиннадцатом, сидит в халате, читает газеты и курит и, стало быть, сразу утомляет себя. Но поборемся с этой его скверной привычкой. Я должен подать блестящий пример и заразить им всех.

Милый Котик, я тебе пишу разбросано, что мне приходит в голову. Так и читай. Рассказываю всякий пустяк.

Надеюсь, что в Нескучном все благополучно.

Страны делают? Клянусь всем. Тебя крепенько целую. Твоя В."

Нужно ли здесь перебивать одно письмо другим? Задержаться ли на строках про то, что репетиции должны начинаться так, чтобы люди театра ничего не успели растерять из своих сил на что-либо иное, не на театр, — не на Театр, как всегда, с заглавной буквы именуют в переписке МХТ... Вставим ли сюда документ другого рода — с другим адресатом? Оно тоже до сих пор не опубликовано — то письмо, где Немирович-Данченко объясняется с Сулержицким, который долгое время был связан с Театром неофициально и медлил закрепить эту связь. Прочтем?

"23 мая. Дорогой Лев Антонович! Наконец-то я отвечаю Вам.

Но я не считаю себя виноватым. За все это время выбрал первый день, когда я мог, наконец, созвать Совет, — до того все время были заняты репетициями. Посо-

вет нам. Надо отнестись одному Художественному театру, т.е. не глядеть по сторонам и на Театр не смотреть как на что-то случайное, проходящее и косо. Косо — потому что даже теперь, когда Вы ставите условия (4800, три месяца отпуска), Вы в этом самом проявляете какую-то осторожность в отношении к Театру.

Мы меня простите за весь тон моего письма. Он, может быть, и грубоватый, но, ей-ей, очень искренний и любовный. Честное слово, высоко дружественный.

Если Вы верите моему мудрости, — то мое убеждение, что Ваше настоящее место и Ваше постоянное, познательное место — в Художественном театре. Больше для Вас ничего не должно быть. И наибольшее удовлетворение, и наибольшее применение Ваших сил — в аскаческих Ваших сил, как режиссерских, так и литературных и вообще художественных, — и Ваше здоровье, — все в этом театре. Но полнота этого всего только тогда возможна, когда и Вы всей душой и всеми трудами принадлежите этому театру, когда он может пользоваться Вами, как ему понадобятся, а не как диктуют Вам Ваши неожиданные желания.

Поэтому первое условие — столько же для Вашей пользы Театру, сколько и для Вашей собственной пользы, — первое условие, которое я ставлю: Вашу принадлежность Театру. Стало быть, Вы не вправе будете отдавать Ваш труд никому другому учреждению без моего разрешения. Это мое право на всех служащих у нас в театре. Ни какой-либо школе, ни какому-либо театру, ни даже газете или частному спектаклю. Только тогда я и могу рассчитывать Ваши силы, здоровье и пр. И исключения Вы не должны составлять. Исключать право, я его про принимаю на себя обязанность заботиться о Вашем художественном и материальном благополучии.

Здравствуй и спасибо

№20 (332), 23 - 30 мая 1996 года

8 страница

17

ПИСЬМА ИЗ МУЗЕЯ

Материально мы Вам предлагаем на первый год 4000 рб. С твердой уверенностью, что во второй Вы уже получите значительно больше.

Брать на себя дать Вам непременно 3-х месячный отпуск я не могу. Но надеюсь, что Вы будете его иметь. Приходите ко мне чаще, как только будете утомляться, и мы будем устраивать так, что Вы не переутомитесь.

Повторяю настоятельно: доверьтесь Театру, отдайтесь ему, он Вас и удовлетворит и сбережет. И 4000 за все — лучше, чем большая, но случайная сумма, составленная из разных частей, — столько-то за режиссерство, столько-то за %, столько-то за Студию, которой может и не быть, а стало быть, часть суммы может отлететь, и Вы опять пойдете к Адашеву, в Большой театр, к Астрюку и т.д.

Понятно я написал? Убедительно? И отвечаешь согласием. И отдыхайте до 15 августа.

Жалованье пойдет с 15 июня. Я буду в Киеве до 1 июня включительно. С 3 по 8 июня — Ялта, гост. "Россия". С 15 июня — Karlsbad, Rudolfshof. С 15 июля — Ялта, гост. "Россия".

Четверг, 4 сент. Принесен шкаф. Первый, мой. Вчера вечером пришел домой и увидел его стоящим... Хороший. Не идеал, но идеал стоил бы вдвое дороже. А этот

ни кн.Ливен, со всей семьей. Его жена была очень плоха, но теперь опять поправилась. В этом же имени во флигеле-даче жили Качаловы с Эфросами. Стахович очень подружился с Эфросом, очень хвалит его. Бранит Нину Николаевну (Литовцеву, жену Качалова. — И.С.). Говорит, что характер стал невыносимым и отравляет жизнь Качалова.

Решили открывать сезон около 25 сентября "Синей птицей".

Заседали до полночи и до некоторого утомления. Я уж как лег, так и заснул. И сегодня встал в половине девятого бодрый. Репетицию назначил в 11 часов и очень хочу эту реформу поддержать. Сегодня начинаем "Ревизора".

Погода вчера и сегодня серая, при 13-14 градусах с перепадами дождем.

Теперь у нас работают штукатурки, стучат, пылят [...] в квартире кавардак, который будет еще долго. Зато потом будет очень хорошо. Теперь вижу, что план удастся..."

"Четверг, 4 сент. Принесен шкаф. Первый, мой. Вчера вечером пришел домой и увидел его стоящим... Хороший. Не идеал, но идеал стоил бы вдвое дороже. А этот

на катастрофу

Обнимаю Вас. Вл.Немирович-Данченко. Киев, гостиница "Континенталь". Это письмо 1912 года. Можно найти и письма более ранние, и письма более поздние — деловые или домашние, легкие или патетичные по тону, но в сущности повторяющие одну и ту же заповедь: да не будет тебе иных богов. Не послужи словом или делом никому, кроме этого.

Впрочем, может быть, не стоит отклоняться. Ждет следующее письмо к Екатерине Николаевне, пунктир фразы, беглая — в одно касание — запись впечатлений и переживания. Шам и легкий вкус жизни и Ваше постоянное, познательное место — о себе — о героях чеховских пьес).

"3 авг. Воскресенье. [...] Третьего дня я "завтракал" у Вишневого в третьем часу. И у него болтался и валялся. Он угощал меня хорошим граммофоном. А к шести мы с ним пошли к Тарасову. На Воробьевы горы не поехали. Приехал Леонидов, и слушали его рассказы о путешествиях из Гамбурга через Каль и Ламанш — в Тунис, Алжир, Корсику, Сардинию, вверх до Генуи, — и проболтали до 11-го часа.

А вчера начали работу в Театре. Целый день было сплошное заседание с перерывом скромного обеда в саду ресторана "Эрмитаж". Был Стахович, Москвин, Лужский, Вишневицкий, Румянцев и Александров. Решали всяческие вопросы, рассматривали отчет за год. Из премьеров кто приехал, кто не приехал — не знаю еще. Вторые силы, кажется, в сборе. Дали отпуск до 15 августа Раевской, до конца августа — Савицкой с Бурджаловым: она лечится за границей. Кажется, во время наших заседаний актеры внизу собирались. Лужский, Москвин иногда выходили из заседания.

Стахович все лето под Москвой, в имении кн.Ливен, со всей семьей. Его жена была очень плоха, но теперь опять поправилась. В этом же имени во флигеле-даче жили Качаловы с Эфросами. Стахович очень подружился с Эфросом, очень хвалит его. Бранит Нину Николаевну (Литовцеву, жену Качалова. — И.С.). Говорит, что характер стал невыносимым и отравляет жизнь Качалова.

Решили открывать сезон около 25 сентября "Синей птицей". Заседали до полночи и до некоторого утомления. Я уж как лег, так и заснул. И сегодня встал в половине девятого бодрый. Репетицию назначил в 11 часов и очень хочу эту реформу поддержать. Сегодня начинаем "Ревизора".

Погода вчера и сегодня серая, при 13-14 градусах с перепадами дождем. Теперь у нас работают штукатурки, стучат, пылят [...] в квартире кавардак, который будет еще долго. Зато потом будет очень хорошо. Теперь вижу, что план удастся..."

"Четверг, 4 сент. Принесен шкаф. Первый, мой. Вчера вечером пришел домой и увидел его стоящим... Хороший. Не идеал, но идеал стоил бы вдвое дороже. А этот

ни кн.Ливен, со всей семьей. Его жена была очень плоха, но теперь опять поправилась. В этом же имени во флигеле-даче жили Качаловы с Эфросами. Стахович очень подружился с Эфросом, очень хвалит его. Бранит Нину Николаевну (Литовцеву, жену Качалова. — И.С.). Говорит, что характер стал невыносимым и отравляет жизнь Качалова.

Решили открывать сезон около 25 сентября "Синей птицей". Заседали до полночи и до некоторого утомления. Я уж как лег, так и заснул. И сегодня встал в половине девятого бодрый. Репетицию назначил в 11 часов и очень хочу эту реформу поддержать. Сегодня начинаем "Ревизора".

Погода вчера и сегодня серая, при 13-14 градусах с перепадами дождем. Теперь у нас работают штукатурки, стучат, пылят [...] в квартире кавардак, который будет еще долго. Зато потом будет очень хорошо. Теперь вижу, что план удастся..."

№20 (332), 23 - 30 мая 1996 года

Здравствуй и спасибо

на вид рублей на 500, а обошелся 300. Есть погрешности, но ничего не подешевело. Все-таки хороший. С ним еще много работы. Надо вставлять рамы, стекла, портреты.

Теперь, оказывается, при шкафе, принятое положение стола не очень-то хорошо. Сейчас все занимался перестановкой, а ты знаешь, что значит переставлять стол. Можно избу выстроить, пока переставляешь мой стол с одного места на другое. И придется опять передегигираться. Не уместается диван.

Это, впрочем, занятие довольно веселое. Отвлекает от разных мыслей. Да сегодня не успеть. Некогда. Эти три дня — в Театре от 11 до 6 и от 7 до 11. Так сложилась жизнь. Вчера было общее собрание

пайщиков, сегодня начинать надо школу, завтра — "сотрудников", а для этих дел приходится находить время между репетициями.

Почему-то вчера от тебя не было письма. Здорово ли? [...]

В Театре понемногу движется дело вперед. Пока идут картины "Синей птицы" так: 1-е действие — занятие, местами скучновато, интересно по световым эффектам, кое-где красиво. Но пока для "завязки" немного тяжело. 2-я картина — весело, легко, по-французски. 3-я картина (страна воспоминаний, дети в гостях у умерших бабушки и дедушки) — очаровательно во всех отношениях. 4-я картина — у Ночи — никак не идет. Из тех картин, когда Константин думает, чем бы публику погугать, а она нисколько не пугается. Как было в "Слепых". 5-я — в лесу, где оживают деревья, еще репетируется, но видно, что будет очень хорошо. Вчера вечером начали 7-ю — царство будущего, души неродившихся детей — чудесная декорация, будет хорошо. 6-я, 8-я, 9-я еще не тронуты, но они легкие"

"5 авг., вторник. Время для письма тебе вчера отдал письму к Конст. Серг. ... Сегодня напишу тебе вдвое, милый Котик. К отчету два дня — воскресенье и понедельник.

Воскресенье — первый день репетиций был очень плохой. Когда я пришел домой в 11 часов вечера (даже раньше), я чувствовал себя точно в феврале, после репетиции "Росмерсхольма". (Прошлогодняя перестановка дачи Ибсена оставила послевакусные мучительные. Не просто неудача, — раздражение и чувство неконтактности с участниками работы. Станиславский полагал, что спектакль все же надо сохранить в репертуаре, — Немирович отказывался наотрез. — И.С.) Я 4 раза за день начал приходить в нервно состояние. На

значены были репетиции за столом "Ревизора" утром от 11 до 3, веч. от 7 до 10. Надо было начать день сразу рабочим настроением. Но наши актеры до того измалывались и распустились, что за двумя — тремя исключениями никто не думал о том, что пора приступать к работе и что в этой работе все их и Театра благополучие. Я был без четверти 11 на месте, а там — кто пришел в половине двенадцатого, — кто в 12, а кто и совсем не явился. Вот за два дня я сделал уже 4 репетиции "Ревизора", а Кинппер (городничиха) не только не приехала, но даже не потрудились известить, почему она задерживается. Может быть, что-нибудь чрезвычайное случилось с нею, но я еще в прошлом году серьезно говорил ей, что считаю оскорбительным ее небрежное отношение к началу занятий, — точно она подчёркивает, что пока Станиславский не приехал, — все равно не к чему работать. За нею Артем явился только вечером, часов в 8 и то наивно сказал, что он прямо с поезда, и отпросился. Грибунин на утреннюю репетицию опоздал на час, а вечером пришел пьяный. Москвин, приехавший накануне к важному заседанию, назначенному на 12 часов, с поездом в 11

оттогоча тебе и не написал, — оттого, очевидно, забыл и про телеграмму. В "Ревизоре" начинаю понемногу находить образы, актеры относятся недурно, внимательно, хотя и не слишком энергично. Приехала Кинппер, извиняется, признает себя кругом виноватой. Но пока хорошо идет только у Уралова и Москвина. А вечером приступил смотреть "Синюю птицу". Боже мой, Боже мой! Столько нагромождений, намуздрит! Немудрено, что в прошлом году пьеса не пошла. Продолжай так — она и никогда не пойдет. Любопытно, между прочим, то, что главным лицом пьесы не пьеса потому, что К.С. никак не мог найти с Егоровым декорации для "Лазорного царства". Менялись-менялись, так и бросили. Три декорации новые писали, все ничего не выходило. Вчера Егоров поставил новую декорацию, оказавшуюся очаровательной во всех отношениях. И что же? Оказывается, она написана по навету, который Егоров сделал еще два года назад, первый его план и который К.С. не одобрил тогда. Вот как не верить человеку ничему, что вышло не из его собственной головы."

Вчера я обедал у Тарасова, который находит еще, что я редко хожу к нему. Очень ко мне мил. Не забудь привести или прислать ему меду и винограду. [...]

В квартире теперь все освоилось. Столовая сохнет, до сих пор нельзя оклеивать, проводить электричество. Говорили, будет сохнуть четыре дня, а теперь горят — две недели. В моем кабинете тоже делать нечего — шкаф, столы не готовы и тоже не раньше двух недель будут готовы."

9-го он известил Екатерину Николаевну: "Архип Антонович возится с моим диваном-постелью, т.к. там пружины испортились и спать не прекрасно. В столовой (новой) вчера топили, что-то сыростью пахнет". И постоянно — про то, что с деньгами не очень хорошо, что он старается не разбрасываться, собирается обедать впрямь дома в "Эрмитаже" (небольшое накладо "хотят я, разумеется, обидно без вина"). Впрочем, заглядывается на элегантные дорожные вещи в магазине на углу Дмитровки (термос еще новинка, пишет: "thermos"). "Я отправляюсь в Театр всегда на трамвае от Никитских ворот. И очень доволен: в сравнении с извозчиком — и приятнее, и дешевле, и скорее."

На Б.Никитской уже лежат столбы для будущей электрички. Может быть, к твоему приезду будет она уже бегать мимо наших окон. Пускай! Она все-таки напоминает культуру хороших народов."

Что же тебе, милая, еще написать? Ведь все и нечего. Здоров. Не устаю. Работать. Все, кажется, идет складно. А чего-нибудь новенького, "сногшибательного" нету.

Крепенько целую. Твой Владимир".

(Окончание в следующем номере).

Вчера я обедал у Тарасова, который находит еще, что я редко хожу к нему. Очень ко мне мил. Не забудь привести или прислать ему меду и винограду. [...]

В квартире теперь все освоилось. Столовая сохнет, до сих пор нельзя оклеивать, проводить электричество. Говорили, будет сохнуть четыре дня, а теперь горят — две недели. В моем кабинете тоже делать нечего — шкаф, столы не готовы и тоже не раньше двух недель будут готовы."

9-го он известил Екатерину Николаевну: "Архип Антонович возится с моим диваном-постелью, т.к. там пружины испортились и спать не прекрасно. В столовой (новой) вчера топили, что-то сыростью пахнет". И постоянно — про то, что с деньгами не очень хорошо, что он старается не разбрасываться, собирается обедать впрямь дома в "Эрмитаже" (небольшое накладо "хотят я, разумеется, обидно без вина"). Впрочем, заглядывается на элегантные дорожные вещи в магазине на углу Дмитровки (термос еще новинка, пишет: "thermos"). "Я отправляюсь в Театр всегда на трамвае от Никитских ворот. И очень доволен: в сравнении с извозчиком — и приятнее, и дешевле, и скорее."

На Б.Никитской уже лежат столбы для будущей электрички. Может быть, к твоему приезду будет она уже бегать мимо наших окон. Пускай! Она все-таки напоминает культуру хороших народов."

Что же тебе, милая, еще написать? Ведь все и нечего. Здоров. Не устаю. Работать. Все, кажется, идет складно. А чего-нибудь новенького, "сногшибательного" нету.

Крепенько целую. Твой Владимир".

(Окончание в следующем номере).

Вчера я обедал у Тарасова, который находит еще, что я редко хожу к нему. Очень ко мне мил. Не забудь привести или прислать ему меду и винограду. [...]

В квартире теперь все освоилось. Столовая сохнет, до сих пор нельзя оклеивать, проводить электричество. Говорили, будет сохнуть четыре дня, а теперь горят — две недели. В моем кабинете тоже делать нечего — шкаф, столы не готовы и тоже не раньше двух недель будут готовы."

9-го он известил Екатерину Николаевну: "Архип Антонович возится с моим диваном-постелью, т.к. там пружины испортились и спать не прекрасно. В столовой (новой) вчера топили, что-то сыростью пахнет". И постоянно — про то, что с деньгами не очень хорошо, что он старается не разбрасываться, собирается обедать впрямь дома в "Эрмитаже" (небольшое накладо "хотят я, разумеется, обидно без вина"). Впрочем, заглядывается на элегантные дорожные вещи в магазине на углу Дмитровки (термос еще новинка, пишет: "thermos"). "Я отправляюсь в Театр всегда на трамвае от Никитских ворот. И очень доволен: в сравнении с извозчиком — и приятнее, и дешевле, и скорее."

На Б.Никитской уже лежат столбы для будущей электрички. Может быть, к твоему приезду будет она уже бегать мимо наших окон. Пускай! Она все-таки напоминает культуру хороших народов."

однако, начинает все энергичнее и решительнее пробиваться.

Вечером пошло, телеграмму на Велико-Анадоль "до востребования".

Крепенько целую..."

"Пятница, 8 авг. [...] Третьего дня мы закончили экзамены. Всего на "предварительном испытании" (это интересно Ал.Ал. [Юргенсу, репетитору Миши, предлагававшему поступить в сотрудники или в школу МХТ. — И.С.] было 187 человек! Это в школу-то! Из них было допущено до экзамена около 40. Добрая половина — адашевы, в общем уровне очень недурно подготовленные. На курсы мы приняли двух молодых людей и одну барышню, а в число участвующих в народных сценах — 4-5 мужчин (не помню точно сколько), из дам четырех — в кандидаты в эту группу. Кончили экзамены в 7 часов вечера. Я еще в эту мечтал об отдыхе в этот вечер и об обеде. Пошел в "Эрмитаж", там умылся и только что сел за стол, как меня позвали. Оказалось, там Стахович угощает обедом Москвина и Вишневого. И мы на воздухе с музыкой прободали до 11 часов. И потом я выпал — до 10 часов утра, отоспался. Так что утром вскочил и поспешил в Театр, чтоб не нарушать репетиции в 11 часов."

Оттого вчера тебе и не написал, — оттого, очевидно, забыл и про телеграмму. В "Ревизоре" начинаю понемногу находить образы, актеры относятся недурно, внимательно, хотя и не слишком энергично. Приехала Кинппер, извиняется, признает себя кругом виноватой. Но пока хорошо идет только у Уралова и Москвина. А вечером приступил смотреть "Синюю птицу". Боже мой, Боже мой! Столько нагромождений, намуздрит! Немудрено, что в прошлом году пьеса не пошла. Продолжай так — она и никогда не пойдет. Любопытно, между прочим, то, что главным лицом пьесы не пьеса потому, что К.С. никак не мог найти с Егоровым декорации для "Лазорного царства". Менялись-менялись, так и бросили. Три декорации новые писали, все ничего не выходило. Вчера Егоров поставил новую декорацию, оказавшуюся очаровательной во всех отношениях. И что же? Оказывается, она написана по навету, который Егоров сделал еще два года назад, первый его план и который К.С. не одобрил тогда. Вот как не верить человеку ничему, что вышло не из его собственной головы."

Вчера я обедал у Тарасова, который находит еще, что я редко хожу к нему. Очень ко мне мил. Не забудь привести или прислать ему меду и винограду. [...]

В квартире теперь все освоилось. Столовая сохнет, до сих пор нельзя оклеивать, проводить электричество. Говорили, будет сохнуть четыре дня, а теперь горят — две недели. В моем кабинете тоже делать нечего — шкаф, столы не готовы и тоже не раньше двух недель будут готовы."

9-го он известил Екатерину Николаевну: "Архип Антонович возится с моим диваном-постелью, т.к. там пружины испортились и спать не прекрасно. В столовой (новой) вчера топили, что-то сыростью пахнет". И постоянно — про то, что с деньгами не очень хорошо, что он старается не разбрасываться, собирается обедать впрямь дома в "Эрмитаже" (небольшое накладо "хотят я, разумеется, обидно без вина"). Впрочем, заглядывается на элегантные дорожные вещи в магазине на углу Дмитровки (термос еще новинка, пишет: "thermos"). "Я отправляюсь в Театр всегда на трамвае от Никитских ворот. И очень доволен: в сравнении с извозчиком — и приятнее, и дешевле, и скорее."

На Б.Никитской уже лежат столбы для будущей электрички. Может быть, к твоему приезду будет она уже бегать мимо наших окон. Пускай! Она все-таки напоминает культуру хороших народов."

Что же тебе, милая, еще написать? Ведь все и нечего. Здоров. Не устаю. Работать. Все, кажется, идет складно. А чего-нибудь новенького, "сногшибательного" нету.

Крепенько целую. Твой Владимир".

(Окончание в следующем номере).

Вчера я обедал у Тарасова, который находит еще, что я редко хожу к нему. Очень ко мне мил. Не забудь привести или прислать ему меду и винограду. [...]

<